

История и естественная история

Позволю себе как редактор книги представить ее читателю. Личность Виктора Ивановича Мочульского привлекательна и противоречива, а главное — малоизвестна. До сих пор в среде энтомологов ходят байки о том, как он воровал жуков из знаменитых коллекций и ругался с европейскими коллегами. Не зря Вальтер Хорн прозвал его «инфернальным энтомологом».

В книге, наполовину составленной из воспоминаний, наполовину — из обратных переводов статей В.И., вышедших в 1850—1860-е годы, причудливо переплетаются история и естественная история. Первая часть книги — это в первую очередь история, а вторая — скорее естественная история. (Не забудем, что термин «биология» уже был изобретен, но широкого использования не получил вплоть до начала XX века.) Биографический, очень пристрастный очерк В. Хорна, написанный в 1920-е годы, помещен в конце книги в переводе с немецкого языка.

При чтении книги обращают на себя внимание неординарные исторические факты и трактовки. Оказывается, «Императрица Екатерина II тоже была убита: фрейлина Перекусихина подала ей отравленный шоколад» (с. 20). Чуть дальше — история о человеке, выдававшем себя за убитого императора Павла (с. 21). В середине книги мы видим авторитетное подтверждение фактического убийства графа Аракчеева, присвоившего бланковые подписи покойного императора Александра I и подделавшего 13 его указов... (с. 105). Как я понимаю, эта последняя «история» впервые вводится в научный оборот. Множество небольших историй разбросано по всему тексту воспоминаний. В.И. Мочульский, надо отдать ему должное, трезво оценивает способности тогдашней царской администрации. «Император Николай любил исключительно военных, представители же других профессий были вынуждены довольствоваться задним планом» (с. 23). Вот — безграмотное руководство польской кампанией, вот — происки и воровство на Кавказе... Совершенно очевидно, что принципы и методы управления российским государством не сильно изменились со времен Николая I.

Будучи человеком военным, В.И. Мочульский участвовал в подавлении польского восстания 1831 года, затем служил на Кавказе, в «Киргизской степи», Восточной Сибири, Оренбурге. Книга воспоминаний обрывается 1841 годом, затем идут обратные переводы — описания энтомологических экскурсий в окрестностях Петербурга, а также зарубежных поездок по Европе и в Америку в 1850—1860-е годы. Период с 1841 по 1851 год пропущен, сохранилось только оглавление: «Военная служба в Чугуеве», «Путешествие в Крым», «Путешествие за границей. Египет», «Париж. Лондон. Дальмацея [правильнее все же — Далмация]. Монтенегро» и т. д.

Судя по всему, служебная карьера В.И. Мочульского была не слишком успешна. «Во мне воспитали, с одной стороны, резкое неприятие всего противозаконного, а с другой — искренность, против которой я никогда не мог грешить и из-за которой, при моем вспыльчивом характере, часто попадал в сложные положения» (с. 18). Например: «...буйный характер дважды послужил причиной моего понижения в степени: в первый раз я назвал нашего учителя французского мерзавцем, в другой — не смог сдерживать смеха при виде одного сумасшедшего дежурного офицера» (с. 22) Или вот еще: «Я хотел определиться в дипломатический корпус, желая быть полезным моими сведениями о востоке, но Министерство иностранных дел... затрудняло исполнение этого желания, протягивая дело много месяцев под разными натянутыми причинами» (с. 169). И даже: «Ведь в этой стране образован-

ный, благородный человек может найти лишь немного способов достойно зарабатывать на жизнь» (с. 22).

Прекрасны описания природы и людей. Тут и легендарный силач князь Севардзелидзе, и тифлиские базары, и нравы грузин, и разливы нефти в Дагестане, и шакалы, которые утащили смазанные салом сапоги В.И. «Башлык и бурка есть лучшее, что есть из одежды на Кавказе. Это есть единственное средство, предохраняющее от дождя, ветра и солнца» (с. 75). Иронически описано посещение Закавказья императором Николаем I в 1837 году (с. 120—128). В заграничных путешествиях В.И. интересовался не только жуками: его привлекают музеи, архитектура (соборы, памятники, гробницы), даже дом-музей известного австрийского (тирольского) партизана, борца с наполеоновским нашествием Андреаса Хоффера, где сохранились его собственные штаны, от которых туристы отрезают кусочки «на память» (с. 90—91).

Но главная страсть В.И. Мочульского — это, конечно, жуки. Он коллекционировал их при каждом удобном случае. И на Кавказе, и в окрестностях Петербурга, и в Америке. Пойманных жуков буквально распахивал по карманам (в коробочках от пилюль), а потом высыпал на клеевые пластинки (на лист бумаги наносился гуммиарабик), которые разрезал на нужные куски и сажал на энтомологические булавки. Эти удивительные пластинки до сих пор сохранились в его коллекции жуков. В.И. много общался с ведущими специалистами-энтомологами того времени, ругался, вступал в конфликты. Коллекция Мочульского после его кончины была завещана Московскому обществу испытателей природы, там заброшена, вновь найдена уже в начале XX века и ныне хранится в Зоологическом музее Московского университета; она частично переисследована, многие жуки переописаны на современном уровне. А вот коробки с некоторыми другими насекомыми, многоножками и ракообразными сохранились в очень плохом состоянии — там поработали злейшие враги энтомологов, личинки жуков-кожеедов.

Именно жуки спасли жизнь В.И. Мочульского, когда он был направлен в разведку, притворившись глухонемым, и попал в плен к горцам на Кавказе в 1838 году (см. приведенный далее фрагмент).

В предисловии составителя книги личность В.И. Мочульского сравнивается с Паганелем, но эта фигура географа-естествоиспытателя тогда еще не была описана Жюлем Верном, он появился немного позднее, в 1859 году. Наверное, правильнее все же говорить о герое другого романа Жюль Верна — о кузене Бенедикте, который действительно был энтомологом.

Трудно в рецензии передать мой восторг и восхищение этой замечательной книгой. Русский язык автора — превосходен. Да и переводчики постарались. Увы, не обошлось без опечаток, хотя вычитывали мы ее не раз... Очень рекомендую книгу эту прочитать самостоятельно.

Далеко не все материалы биографии В.И. Мочульского удалось ввести в научный оборот. Надо поработать в архиве Главного штаба, там явно должны быть сведения о командировке В.И. в Северо-Американские Соединенные Штаты (как их тогда называли), ведь он занимал должность помощника атташе российского правительства. В различных архивах Москвы и Санкт-Петербурга хранится и деловая переписка Мочульского. Но академическая биография нашего персонажа — дело будущего.

К.Г. Михайлов

Приключение ЖИЗНИ

Виктора Ивановича
Мочульского

КНИГИ

1838. Кавказ

(фрагмент из книги)

До завершения Кавказской войны остается еще четверть века. Горцев Дагестана и Чечни возглавляет имам Шамиль, император Николай I выражает неудовольствие ходом кампании. Только что закончилась первая короткая ссылка Лермонтова, он вернется на Кавказ в 1840 году. Реалии той войны знакомы всем нам по «Герою нашего времени», однако Мочульскому пришлось проявить свое бесстрашие и знание местного колорита в обстоятельствах еще более необычных. Жанр шпионского детектива тогда не был известен, но и суховатые записки от первого лица производят сильное впечатление.

...Сейчас с открытием весны меня прикомандировали к сенатору барону Хану для содействия и для осмотра им Закавказского края, а по окончании этого поручения мне предписано было отправиться в горы для секретного обозрения пути, из Кахетии в Дагестан ведущего. Это последнее поручение могло быть исполнено только переодетым в горскую одежду, и потому во время нахождения при бароне Хане я отпустил себе бороду. <...>

Прошла весна, и я в ожидании проводников приготавливался к пути в горы, но проводники не являлись, несмотря на неоднократные запросы, о том делаемые у начальника Лезгинской кордонной линии князя Севардзелидзева, которому поручено было высшим начальством отправить меня в горы; потому, расставшись с сенатором Ханом, я отправился прямо в крепость Закаталы, где генерал Севардзелидзев имел свое местопребывание, но я его не застал, так как он с отрядами двинулся во владения Элисуйского султана, изменившего России и бежавшего к Шамилю. А между тем этот владелец был воспитан в Пажеском корпусе, имел чин генерала и заседал членом Главного управления Закавказского края. Я поспешил туда и, встретив наконец генерала Севардзелидзева, настоятельно просил его дать мне проводников, о готовности которых он давно уже донес начальству. По прибытии в Закаталы начались бесконечные переговоры и рассуждения о том, как возможно в настоящем положении дел отправить офицера Генерального штаба в горы, что это есть чистая жертва, что он ответственность на себя брать не может и т. п. Я им ответил, что рассуждать теперь поздно, что его донесения о готовности проводников ввело начальство в заблуждение, как будто бы неисполнение по сие время возложенного на меня поручения происходит от моей медленности и неохоты отправляться в горы, и я настоял, наконец, и проводники были мне назначены.

Один назывался Курку Шабан и был жителем джарской деревни, человек лет 60 с лишком, известный своей храбростью и предприимчивостью, выказываемой им неоднократно в бою против русских, и известный в горах по предводительству шайками хищников (так Мочульский называет кавказских разбойников. — К. М.). Другой был Мола Магомет, также джарец, но духовного сана, человек лет 35, и весьма уважаемый горцами за свою ученость и свое красноречие. Третий был урядник грузинской милиции Черкесов, знающий хорошо лезгинские наречия и русский язык. Он должен был в случае

надобности быть переводчиком. Было решено, что мне надобно переодеться в лезгинскую одежду, сбрить волосы, быть глухонемым во все время экспедиции и следовать за джарцами в виде прислуги. Джарцы же отправились в горы под предлогом разведывания, где там находятся русские пленные, и узнания условий, на которых бы их возможно было выкупить; предлог чрезвычайно заманчивый для горцев. В полдень мы отправились верхами из Закатал, чтобы следовать по Лезгинской линии в селение Кварели и Шильды. Нас сопровождал версты 2 и джарский пристав князь Андроников, который потом с нами распростился. Проехав еще с версту, Курку Шабан вдруг повернул налево, совсем в другую сторону первоначального направления, говоря, что ему необходимо побывать у себя в деревне. Итак, нечего было делать, прибыли мы в его деревню, Курку Шабан меня поместил в свой гарем, и в течение почти 36 часов я никого более не видал как его жен и детей. Потом до рассвета мы выехали из этой деревни, но последовали не первой дорогой, а большим путем, ведущим на города Сигнах и Телав, и оттуда уже прибыли к ночи в грузинское селение Сабул, откуда должен был начинаться наш поход в горы. Впоследствии я узнал, что Курку Шабан изменил маршрут для того, чтобы избежать всяких слухов и толков о нашем путешествии и потому что князь Андроников разными приговорками выказывал явное недоброжелательство ко мне и на Лезгинской кордонной линии мог легко подставить хищников для нашего истребления. Это последнее предположение действительно оправдалось тем, что один из постовых начальников, возвращаясь по той же дороге, по которой мы даже условились следовать вместе, в несколько верстах от Закатал был ранен хищниками, засевшими в лесу, через который вела дорога.

<...>

Проехав несколько деревень, построенных из шиферного камня, мы около полудня прибыли в значительное селение Мококо, расположенное на границе между Дидайским и Богосским обществами; отсюда очень ясно были видны высокие, снегом покрытые Богосские горы. По обыкновению мы остановились на большой площади селения, слезли с лошадей, и джарцы отправились к властям, чтобы узнать направление, по которому нам

Товарищество научных
изданий КМК.
Москва: 2013.

Книгу можно заказать
на сайте издательства:
<http://avtor-kmk.ru>.

надобно было следовать. Оставаясь с лошадьми на площади, я прилег на землю в ожидании прихода моих спутников. Скоро любопытные горцы окружили меня, и один, показывая на мой башлык, сказал своему товарищу, что это работа тифлисская, я сначала не понял смысл этого замечания, так как мой башлык был сделан из горского сукна, но потом я узнал, что внимание было обращено на шов, выведенный шелком, тогда как в горах все шьется шерстью. Эта мелочь, впрочем, навела нам большую беду. Наконец, мои спутники явились, мы сели верхом и продолжили путь по весьма тесной улице, где нередко с крыш противоположащих домов через всю ширину улицы переброшены были шиферные доски. Повернуть лошадь не было возможности, и для этого надобно было пройти всю улицу до самого конца (...) В этом узком месте, где защита была невозможна, внезапно на нас бросились горцы, отняли лошадей и оружие и всякого из нас посадили в отдельную хату под стражу. Послышался повсеместный крик и шум, народ теснился на площадь к предстоящему джамату, то есть совещанию. Спутников моих потащили в это бурное совещание, народ упрекал их в подкупности русскими, в измене пророку, в продаже своих горских товарищей и всяких других преступлений. Спутники мои, в особенности Мола, старались всем своим красноречием доказать нелепость этих обвинений, напоминая им, что поручение русского правительства, то есть отыскание и выкуп пленных, совершенно согласно с давнишним и постоянным желанием самих горцев, и если они взялись за такое поручение, то только в том ожидании, что заслужат именно благодарность, а не брань, упреки и угрозы. Этими спорами горцы лишь больше воспламенялись, шум и крик дошли до того, что кази деревни, главная духовная власть, вынужден был усовещивать народ к более спокойному обсуждению и своей личностью должен был защитить моих спутников от насильства своих буйных собратьев. Наиболее шумели находившиеся тут мюриды. Все это время я находился в большой комнате об одном лишь малом окне без стекол и выходящем на глубокую пропасть, моим стражником была жена горца, которому принадлежал этот дом и которому меня поручили.

С первой минуты поняв всю опасность моего положения, я не упустил из виду приобрести и со своей стороны друзей, и первым из них должна была быть эта женщина. Так как время ужина приближалось, то я ей помогал в приготовлении оного, поправляя огонь, запекая лепешки и подобными мелочными услугами; само собой разумеется, все на манер горский, и в это время сунул в огонь находившийся у меня в кармане карандаш, за который, если бы был найден моими врагами, я без сомнения заплатил бы головой. Воспользовавшись удобной минутой, я всунул в руку этой женщины маленький платок, бывший у меня на шее, заметив, что он ей нравился. Она тотчас его взяла и спрятала. Мое опасение скоро сбылось. Несколько горцев вбежали ко мне в комнату и потащили меня на маленькую площадку, окруженную с трех сторон пропастями и четвертой, прилегающей к скале. Тут находились мои три спутника (...) Я сейчас понял, что горцы хотели видеть, не станем ли мы разговаривать. Зная весьма хорошо, что неприятели наши за нами следят, я остался верным моей роли и, не обращая внимания на моих спутников, развалился на земле и стал играть камешками, кладя их в рот и выплевывая в пропасть; а между тем я рвал в клочки находившиеся у меня в кармане пол-листа бумаги и эти клочки жевал и глотал. Так как я лежал к горцам спиной, они этого заметить не могли. И так сбыв я и этого опасного обличителя, на котором были написаны некоторые мои путевые замечания. Мои опасения были весьма основательны, ибо вскоре потом горцы явились и осмотрели мои карманы, где нашли только несколько раздавленных насекомых, которых я собрал дорогой, находка которых произвела общий хохот и которых они весьма тщательно положили опять в карман. После этого меня отвели в мое заточение, а товарищей в народное скопище на площади. Там они опять подверглись всякого рода обвинениям, упрекам, ругани и угрозам, все говорили и кричали вдруг, так что нельзя было понять, что они хотели. Возвращаясь в мою комнату,

Воспоминания о Кавказе. Картина М.Ю.Лермонтова. 1838

я в темной прихожей успел высыпать из патронов моих русский порох, не для того, что это могло бы служить обличением, ибо горцы весьма часто его сами употребляли, но для того, чтобы избежать всякого повода к подозрительным толкам.

Вступая в комнату, я нашел там сидящих вокруг огня нескольких горцев с весьма зверскими лицами. Мне дали знак сесть в этот кружок, что я исполнил, сложив накрест ноги. Тут начались разного рода испытания, мне говорили по-русски, по-грузински, по-татарски, по-лезгински, мне предлагали марушек (марушками они называли жен), земли, оружие, даже деньги, если я сознаюсь, что я русский. Другие вновь пришедшие уверяли, что мои спутники во всем сознались, и что мое упорничество ни к чему не служит и только усилит мое наказание. На все это я только знаками мог показать, что я ничего не слышу и не понимаю. Видя, что этот образ испытания ни к чему не ведет, один из горцев, вынимая свой кинжал, громким голосом закричал:

— Дай-ка станем этому молодцу из спины ремни резать, посмотрим, как он запоет, — и стал точить свой кинжал.

Другие бросились ко мне смотреть, не бледнее ли я и не заметен ли страх на моем лице, но Бог меня защищал, на лице моем не было заметно никакой перемены. Комната все более наполнялась любопытными, все теснились около меня; один предлагал мне свою коротенькую трубку, которую по горскому обычаю я должен был принять и курить с отплевом, как [это делают] лезгины. Все это я выучил и знал, но табак был так крепок и так скверен, что я чувствовал, что начинает преодолевать дурнота. К счастью, нетерпеливость моих врагов не дала заметить моего затруднительного положения. Один из них, приведший девушку с турецким барабаном, выхватил меня из кружка и зывал меня начать пляску; надобно было исполнить не такой [уж] легкий горский танец, состоящий из быстрых передвиганий ног одной над другой, становясь на цыпочки, то на пятки, и потом танцуя вокруг всей комнаты. Я исполнил это, кажется, удовлетворительно, ибо хозяйка дома сказала, что так танцевать может только горец; но главное, что это усиленное движение избавило меня от дурноты. Новый пришелец своими рассказами отвлек внимание моих мучителей, что он говорил, я понять не мог, но, приблизившись ко мне, рванул мое платье и, показывая на обнаженную грудь, воскликнул:

— Смотрите на эту грудь, она никогда не видела солнца! — и, отступив [на] несколько шагов, стал прицеливать в нее свою винтовку.

Выстрел не последовал, и все обращали внимание на мое лицо, но и тут перемена не последовала. Тогда несколько человек бросились и схватили меня за руки и, толкая и ударяя, заставили меня опять сесть в кружок, в котором мучители мои замыслили употребить более действенные пытки. Одна каналья подкралась ко мне с тылу, держа кинжал за моим

ухом, а сосед кричал мне в это ухо со всех сил; другой поднял кинжал над моей головой, тогда как собрание кричало, чтобы я встал. Малейшее движение обнаружило бы, что я не глух, и кинжалы вонзились бы в мою голову. Таких проб повторялось еще много, всякий выдумывал свое, и как ничего не удавалось, то их досада все больше возрастала. Один ударил меня в бок, другой в спину, третий толкал ногою, четвертый давил шею, сосед налево толкнул меня на правую сторону, откуда тотчас же оттолкнули назад. Это произвело в кружке общий беспорядок, горцы вскочили и с обнаженными кинжалами бросились на меня. Что дальше было, я не помню, и когда пришел в себя, то находился подле своего хозяина, который упрекал своим товарищам причиненное в его доме буйство, не согласное с постановлением джамата, который в настоящую минуту занимался решением [дела] пришельцев. Хозяйка плакала, говоря, что я, очевидно, житель Дагестана и причиненные мне обиды совершенно несправедливы. Это участие произвело большое впечатление, потому что, по понятиям горцев, возбудить плач женщины есть самое постыдное дело. Итак, слезы женщины иногда и у грубых народов могут спасти жизнь человека.

Хозяин дома затем выгнал из комнаты всех горцев, которые стремглав побежали на площадь, чтобы меня обвинить и осудить. Действительно, уже готовились исполнить предложение, сделанное некоторыми горцами, чтобы снять нам кожу и тела бросить на русскую границу, когда послышался с высоты минарета протяжный голос муллы, призывающий всех верных к молитве, ибо солнце на западе уже садилось. Сопровождение должно было разойтись, и приговор в этот день исполнен быть не мог и был отложен на следующий день. Хозяйка дома дала мне скудный ужин, состоящий из овчинного молока, которое она перед тем помешала своими пальцами, выказывая ко мне много сострадания. Мне была отведена для ночлега простая деревянная кровать, стоящая у стены противоположной ложу, которое занимали хозяева дома. Когда огонь, пылавший посредине комнаты, почти угас, я услышал храпение хозяев и стал со своей стороны храпеть, не доверяя даже и спящим разбойникам. И действительно, только что хозяин убедился, что я сплю, как он внезапно поднялся и, призывая меня громким голосом, потом также внезапно утих, не сделав ли я какого-нибудь движения или ему откликнуться. Эта проба была повторена несколько раз в течение ночи, но без успеха, так как я был осторожен. Наконец в полночь тихо открылась дверь комнаты, и с горящею лучиною в руках взошел кази деревни и мои три спутника, лица которых были очень бледны и малоутешительны.

Краснобородый кази меня разбудил и указал присесть поближе к огню, где сидели мои товарищи. Хозяин дома вскочил, уважительно поклонился, и ночное совещание началось. Я раздул огонь и старался сохранить совершенное спокойствие. Мои спутники просили кази, чтоб он нас отпустил в путь, говоря, что готовы меня отдать горцам, так как я их только слуга и они никакой особенной надобности во мне не имеют, что я убогий сирота без пристанища. Кази долго не хотел слушать ни о каком соглашении, внимательно рассматривал мою одежду, потом велел снять сапоги, вероятно, чтобы удостовериться, нет ли у меня на ногах мозолей, которых у горцев не бывает, к счастью, и у меня их не было. Совещание продолжалось больше часа и кончилось тем, что кази обещал о нашем деле подумать на другой день. Затем все вышли из дома. С восходом солнца на площадь сбежалось много народа, и в их среде находились и мои спутники. Крик, шум и спор были такие же упорные, как накануне, и разъяренные горцы разорвали бы на куски джарцев, если б тут не явился сам кази, который, к крайнему удивлению, толпы объявил, что он в нас ничего не видит русского и потому дозволяет возвратиться назад по той же дороге, по которой пришли. Тут-то посыпались выражения неудовольствия, проклятия и ругательства, но дело было решено, и изменить нельзя было. Нам привели лошадей и возвратили оружие, хотя подменив его худшим, и в сопровождении одного конвойного мы оставили это селение Мококо, где жизнь наша висела на весьма

слабой нитке. Но нет худа без добра. Именно эта задержка спасла нашу жизнь, потому что если б дали нам свободный проход, то мы непременно попали бы в засаду из 30 горцев, ожидавших нас два дня около моста, верстах в трех впереди селения находящегося. Но опасность еще не миновала.

Во всех селениях, через которые мы проходили, те же вопросы повторялись: «Кто вы такие?», «Куда вы идете?», «Зачем возвращаетесь?», с теми обидными прибавлениями, которые вызывают к ссоре и драке, что бы неминуемо последовало, если бы во все время нашего следования назад сильный дождь не давал горцам выходить из домов. К вечеру мы едва достигли деревни Хупры, где ночевали во время следования в горы. Нас приняли весьма хорошо, и спутники мои успели тут познакомиться с мюридом, который путешествовал по особому поручению Шамиля. Они с ним ужинали вместе, подружились и уговорили его сопровождать нас до границы у подошвы гор. До рассвета мы уже были на конях и всходили на перевал, где, к крайнему удивлению, застали 12 человек, с головы до ног вооруженных и заграждавших нам дорогу. Ими предводительствовал тот самый горец, который нас наблюдал у моста, когда мы следовали в Мококо. Надобно было остановиться, и начались опять толки, придирки, ругательства и угрозы. Ведя лошадей за узду и держа ружья в готовности, мы следовали далее в сопровождении наших недоброжелателей, которые всеми мерами старались выманить у нас выстрел и тогда беспощадно изрубить. Они уже успели склонить на свою сторону шесть молодых людей, которых только деревня дала в конвой для перехода гор, и оставалось только уговорить одного человека, то есть мюрида, но этот не поддавался, говоря, что он нам дал свое слово, которое сдержит, и, прежде чем сделают малейший вред, им придется пройти по его трупу. Таким образом, мы все, подвигаясь вперед, достигли склона гор, ведущего в наши пределы, и откуда виднелись зеленеющие долины нашей границы, которые достигались нашими патрулями. Мы начали спускаться вниз, и наши преследователи сочли за лучшее нас оставить, послав вслед бесконечные ругательства. Достигнув подошвы гор, где надобно было вброд перейти речку, мюрид остановился и с нами простился, взяв за свои труды только рубль серебра. Мы уговаривали его следовать с нами дальше, но он решительно отказался, сказав:

— На другой стороне земля русская, и я на нее мирно вступить не могу, я дал вам слово довести вас целыми до вашей границы, и я слово сдержал, прощайте, помните, что вас вел мюрид, — и с тем пошел назад.

Так как обеденная пора давно прошла и мы были очень голодны и уставшие, то в лесу я развел огонь, стал жарить на пруте шашлык из куска баранины, купленный нами у горцев. Мое incognito все еще продолжалось, ибо с нами еще были шесть конвойных дидойцев. Часа через три мы к вечеру прибыли в деревню Сабул. Тут встретил меня один из моих товарищей, который не мог не удивиться моему перемене и стойкости в выдержании роли глухонемого. Три дня спустя я лежал в желчной горячке в прошлогодней моей квартире в селении Кварели. Если б горцы задержали нас еще три дня, никто живым оттуда бы не вышел. (...)

